

Е. В. Званская
(Брянск)

КИРИАКУС ШПАНГЕНБЕРГ О ПРОИСХОЖДЕНИИ ГЕРБОВ ЗНАТИ

Проблема происхождения гербов является в гербоведении самой старой и до сих пор не разрешенной. Подробно эта тема рассмотрена в статье А. П. Черных «Появление гербов как проблема гербоведения и истории XII века»¹. В частности, он пишет: «XVI век привнес в вопрос о начале геральдики еще больше версий. Эрудиты к нему отнеслись по-разному»².

Германский гербовед Кириакус Шпангенберг (1528–1604), один из представителей плеяды эрудитов, рассуждая о гербах в своем труде «Зерцало знати»³, также не обошел стороной этот момент. Но так как геральдическая рефлексия Шпангенберга является частью его трактата о знати и знатности, то и размышляет он о происхождении не гербов вообще, а гербов представителей благородного сословия. Глава 26 двенадцатой книги второго тома трактата так и называется: «О происхождении шлема, щита и герба знати»⁴. Именно ею Шпангенберг открывает геральдическую часть своего сочинения. Намерение написать о почетных визуальных признаках знати он высказал еще в первой части трактата – в главе «О римской знати»⁵.

При создании «Зерцала знати» Шпангенберг использовал множество источников и, соблюдая правила научной этики, не забывал сослаться на авторов, чьи рассуждения заимствовал и перерабатывал. Так, уже в самом начале главы о происхождении гербов знати Шпангенберг с уважением («Мне нравятся тонкие и разумные рассуждения благородного и знатного...») пишет о своем еще менее известном предшественнике, графе цу Зольмсе, трудами которого он воспользовался весьма активно, не узурпируя, тем не менее, авторства, но претендуя на развитие его мыслей⁶.

Граф Рейнхард цу Зольмс (1491–1562) – немецкий военачальник, военный инженер и теоретик. Представитель одной из линий широко разветвленного и весьма древнего рода высшей немецкой знати Зольмсов, он появился на свет в 1491 году в родовом замке в городе Лих (Гессен). Интерес к военной теории разделил со своим отцом, который учился в Майнце, Гейдельберге и Эрфурте и пользовался большим уважением как императорский советник при Максимилиане I и Карле V, а также как тайный советник саксонского курфюрста Фридриха Мудрого. Граф Рейнхард I на протяжении всей своей жизни поддерживал императора Карла V, выступая против протестантской оппозиции князей. Он активно работал как военный инженер, укрепил город Лих и был привлечен к строительству многочисленных государственных крепостей на юге Германии.

Начиная с 1530-х годов граф Рейнхард цу Зольмс занимался также писательской деятельностью, особенно в области военной теории и строительства крепостей⁷.

В 1553 году в Кёльне вышла его работа «Описание происхождения, начала и традиций знати, благородных занятий и установленного надлежащего порядка, как знать должна носить свой титул и быть в ответе за него» (второе издание напечатано во Франкфурте-на-Майне в 1563 году)⁸.

То, что Зольмс был идеологическим противником Шпангенберга, который являлся протестантским богословом, ничуть не помешало последнему относиться к сочинению Зольмса с должным уважением и заимствовать его текст для своих рассуждений о происхождении гербов знати. Шпангенберг мастерски пересказал исходный отрывок, и даже при беглом сравнении обоих текстов заметно, что лексический запас Шпангенберга намного более обширен; он предстает здесь достаточно талантливым, как бы сегодня сказали, рерайтером.

Что касается упоминания гербов в трактате Зольмса, то они встречаются всего четыре раза в качестве само собой разумеющихся атрибутов знати. Так, перечисляя добродетели, которыми, по его мнению, должен обладать князь, и описывая образ жизни, какого князь должен придерживаться, Зольмс пишет: «В-пятых, он должен иметь добротное имение и чеканить законную монету. Тогда ему [выказывается] доверие, порукой тому его имя, герб и печать на ней (на монете. – Е. З.)»⁹.

Отдельное место в германском гербоведении занимают дебаты по поводу терминов «знать» и «орел». Схожесть написания и звучания этих немецких слов (*Adel* и *Adler* соответственно) вызвала дискуссии относительно того, какое из них появилось первым. Критик знатного сословия Себастьян Франк в своей работе «Хроника, книга времен и историческая библия» выдвинул провокационный тезис, согласно которому «знать» происходит от «орла», ибо знатные ведут такой же паразитический образ жизни вдали от общества, как хищные орлы, обитающие на верхушках деревьев и в горах; их так же все боятся и никто не любит¹⁰. В первой части «Зерцала знати» Шпангенберг аргументированно доказал, что, наоборот, слово «орел» происходит от слова «знать» в значении «благородная птица»¹¹, и его рассуждения подтверждаются дальнейшими исследованиями этимологии этих слов. Поэтому может показаться странным, что в представленной главе Шпангенберг не подвергает сомнению фразу Зольмса об именовании знати словом, происходящим от слова «орел».

Нет, Шпангенберг не отказался от своих этимологических изысканий на тему: *Adel – Adler*. Но, отдавая дань уважения традиции, сложившейся среди германской знати, и учитывая, что знаком имперской власти является орел, он достаточно подробно написал о том, какие орлиные качества должны перенять правители, а чего должны избегать, дабы не спровоцировать критиков вроде Себастьяна Франка отзываться о знати в негативном свете.

Во вторую часть своего труда Шпангенберг включил несколько глав под общим названием «Зерцало власти», где, собственно, и изложен его взгляд на добродетели, которыми должны обладать власть предержащие, раз уж они хотят именовать себя словом, происходящим от слова «орел»¹².

Шпангенберг дает свою картину генезиса германского средневекового общества – утопичную и упрощенную, – но его текст, сам по себе гармоничный и последовательный, не лишен логики и известного изящества. В значительной мере его выводы навеяны размышлениями о природе знати, но использованы им также в контексте появления гербов. Значительная часть 26-й главы, на первый взгляд, не касается непосредственно

геральдики, тем не менее все ее содержание направлено на то, чтобы объяснить читателю причины появления гербов, шлемов и других визуальных элементов, ставших к концу XVI века безусловными атрибутами и признаками знати. И для нас в истории представлений о генезисе геральдики этот подготовительный фон, рассчитанный на современников автора, весьма ценен. Тем более что, тогда как в иных европейских странах свидетельств истории геральдики немало, в германских землях их почти нет. Таким образом, Шпангенберг почти уникален.

Рассуждая о происхождении гербов знати, Шпангенберг придерживается, если можно так выразиться, концепции континуитета, то есть уверен, что изобретенные римлянами гербы перешли затем к германцам. История геральдики показывает, что первоначальный процесс структуризации знати и обретения ею гербов шел несколько иначе. В целом взгляды Шпангенберга – это геральдическая мифология, но они соответствуют передовым представлениям своего времени и вполне вписываются в рамки ученой логики XVI века.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Шпангенберг К.

О происхождении шлема, щита и герба знати¹³

Теперь же я хочу особо сообщить о гербе, щите и шлеме знати: как они соединились и откуда происходит этот обычай, хотя об этом я уже говорил ранее в первой части книги 6, в главе 20.

Мне нравятся тонкие и разумные рассуждения благородного и знатного господина Рейнхарда, графа цу Зольмса, сеньора Мюнцберга (правда, улучшенные мной при некотором дальнейшем размышлении).

Итак, считается, что изначально римляне (а впрочем, подобное также могло случиться и с другой могущественной господствующей нацией) после того, как они получили власть над многими народами и подчинили их себе, при этом должны были опасаться, что, поскольку те самые [народы] какое-то время жили в свое удовольствие и по свободной воле, это не могло бы продолжаться долго, потому что населения становилось все больше и каждый естественно был склонен к свободе.

Поэтому в конце концов сначала одна, затем вскоре и другая нация, а также, вполне вероятно, и все без исключения будут искать возможность и повод вернуть себе свою прежнюю свободу и управлять собой самостоятельно по собственной воле.

И потому они [римляне], рассудительные и разумные люди, много размышляли над тем, как избежать подобного и худшего, и все же решили, что нежелательно и далее применять насилие и принуждение по отношению к уже несколько раздраженным людям. Наоборот, с лукавым дружелюбием явиться к ним и под видом отцовской заботы разделить общее множество на группы или гильдии, которые могли бы стать для них приятными и привлекательными.

Так как невозможно каждому в одиночку делать все, что необходимо для его собственного обеспечения и развития страны, а также полезно для поддержки городского

и соседнего обществ, им предложили, как и было решено, сообща нести повсеместное бремя работ.

Поэтому они сочли за благо, чтобы различные виды работ распределялись по-разному и чтобы каждая из них поручалась отдельной группе и возлагалась на нее.

Прежде всего, при возникшей необходимости из целого множества должны быть выделены особые [люди], чтобы возделывать пашни.

Но не только те, у кого уже были свои отдельные места и участки, но и другие, кто [был] заинтересован и хотел бы, чтобы его использовали для того, чтобы обрабатывать неплодородные пустоши, залежи и подобные пустынные и невозделанные местности и таким образом сделать землю плодородной, за что получать свою поденную плату, а затем часть ее должен отдавать.

Во-вторых, они обособили других, чья работа должна заключаться в уборке и очистке земель и долин у гор и вод, а также в корчевании кустарников и зарослей и в подготовке хороших лугов, выгонов и пойм.

В-третьих, [обособили] тех, кто должен расчистить прилегающие горы, которые не нужно обрабатывать плугом под посадку зерновых, чтобы подготовить [их] для выращивания винограда, а также посадить и возделывать виноградники.

В-четвертых, выделили следующих, кому было велено очистить реки и водные потоки, чтобы в них было свободное течение и русло для беспрепятственного хода кораблей и лодок, а также чтобы при необходимости направлять их без ущерба для пашен на луга и мельницы, создавать и содержать в определенных местах удобные пруды, плотины и [водо]хранилища.

В-пятых, обязали некоторых разграничить леса и рощи тропинками и изгородями, срубить высокие деревья для построек, а другие сечь на уголь для [изготовления] пороха (но все же только после того, как возникнет необходимость) и охранять пастбища для скота, пасти скот и ухаживать за ним, заниматься животноводством.

В каждую из этих пяти групп в каждом месте в качестве главы или управляющего был назначен особый смышленный человек, чтобы за ними присматривать, ими управлять, давать распоряжения и указания, как все делать и исполнять, обеспечивать их всем необходимым, а поскольку среди них могло случаться что-то противоречивое и ошибочное, он должен был разрешать их споры в том, по чему и надо было судить. Таких людей называли деревенским старостой, управляющим, главой общины, старшим лесничим.

Тем из этого множества, кто хорошо содержал, сберегал для себя часть своего заработка и захотел осесть, выделяли отведенное им место в поле и в лесу, где они обустроивались, выращивая скот, чтобы прокормить себя. С этого они ежегодно должны были отдавать определенную, оговоренную, но все же скромную [часть] плодов или чего иного или оказывать приемлемую услугу как знак покорности. И таким образом сначала возникли отдельные дома и хозяйства, а потом со временем построились целые деревни.

В дополнение к вышеупомянутым пяти группам в шестую были выделены те, кто должен был изготавливать все необходимое для облачения тел и инструменты для работы. Это суконщики, ткачи, дубильщики, кожевники, портные, сапожники, затем канатчики, седельщики, шорники, а также кузнецы, слесари, тележники, колесники, бондари, плотники и тому подобные ремесленники, которые собирались в городах.

Однако вначале каждому ремеслу в городах было отведено определенное удобное место, как это еще можно ощутить в Нордхаузене и подобных старых городах, где в прежние времена сапожники, ткачи, пекари, тележники, бондари, лавочники имели свои особые места в городе; также мясники, дубильщики и прочие. То же самое было в пригороде у воды.

А чтобы между ремесленниками не возникло никакого недоразумения и чтобы все они не могли восстать против власти, они были разделены на особые гильдии и цехи и в каждом ремесле был выбран начальник, который в нем разбирался, дабы установить управление среди них и осуществлять его. Его называли мастером-ремесленником (Handwerksmeister).

И теперь, когда все население было распределено и каждый озаботился снисканием пропитания, высшая власть организовала в городах неперенные еженедельные рынки со специальными местами для каждого товара; один рынок был хлебный, другой – овощной, также скотный рынок для продажи волов, свиней или лошадей.

Однако на это время в качестве смотрителя назначался особый человек, который следил за тем, чтобы покупатели и продавцы находились друг с другом с глазу на глаз и никто никого не обсчитывал. Это был рыночный старшина.

И ради таких еженедельных рынков, так как к ним подтягивались люди из чужих и отдаленных мест, привозя товары и приводя скот, в городах для приезжих были организованы гостиницы и постоялые дворы.

По мере того как еженедельные рынки проходили все успешнее, чувствовалась очевидная польза от них как для отдельных людей, так и для общества в целом. И можно было видеть, что на эти рынки прибывают соседи из ближних и дальних земель, и тогда были подготовлены ярмарки [для проведения] один, два или более раз в год.

В ответ каждый старался изо всех сил, и потому промыслов и ремесел на воде и на суше становилось все больше и больше, и это также привело к росту городов, в которых теперь возникла необходимость из года в год улучшать городской порядок и обеспечить его многими достойными людьми.

И это стало причиной того, что в городах из обычных граждан выдвигали самых знатных, опытных и сведущих, которым было предписано блюсти установленный порядок и обдумывать, что необходимо еще для [его] улучшения.

И чтобы назначенные чиновники могли быть узнаваемы другими и пользовались должным уважением, им была дана почетным знаком фасция (Fascia) – повязка, которую они должны были носить на своих шляпах и таким образом стать облагороженными [в отношении] других обычных людей.

Также особой, седьмой группой был военный люд, который должен был ждать походов и военных усобиц, защищать другие шесть групп и оборонять отечество от общих врагов, чтобы те самые [шесть групп] без опаски перемещались в полях и лесах, на воде и на суше и могли мирно заниматься своими промыслами и ремеслами.

Те, которые в войнах других хорошо защищали, удаивались щита как особого почетного знака, и тогда такие становились щитоносцами (Scutati), названные [так] по щиту.

Привилегированное почитание, однако, произошло прежде всего для того, чтобы дать другим основание также стремиться к великодушию и мудрости, чести и добродетели, похвальным и честным делам.

Тем же, кто добился делом и словом чего-то превосходного, великого и важного в походах, битвах, штурмах или обороне, в благодарность и в знак почести дарили шлем.

И эти три [группы] с повязкой, щитом и шлемом называли тремя родами, чтобы выделить среди других, однако они были разделены так, что каждый мог сочетаться браком только внутри своего рода.

Поскольку этот порядок существовал довольно длительное время и три вышеупомянутых рода значительно приумножились, каждый хотел быть более уважаемым, чем другие, вследствие чего возникали большие ненависть, вражда и отвращение.

Из-за этого мудрые римляне должны были опасаться, что если и далее это допускать, то между ними помимо всего прочего может вспыхнуть такой разлад, что от него возникнут великие разобщение и разруха, которые даже могут привести к смуте и отступничеству; в этом случае столь же легко одна или другая часть отважилась бы перейти под чужеземное господство.

И так как из-за подобной и прочих неправильностей они могли бы прийти в упадок, то задумали из всех трех родов сделать одно сословие.

Так они потом и сделали, и собрали все три особых почетных знака (*besondere Ehrenzeichen*) таким образом, что каждому из трех родов надлежало пользоваться всеми тремя [одновременно], а именно: сначала взяли щит как тело, затем надели на него шлем как голову и наконец добавили вокруг шлема повязку (как было раньше, вокруг шляпы).

И поскольку собрали вместе три почетных знака, посвященных Римской империи, чьими самыми благородными и лучшими представителями они должны были быть, то назвали их от орла, чтобы напомнить им, что как орел парит выше всех птиц, так и они всегда стремятся к славе и не должны позволять кому-либо иметь в этом превосходство.

Таким образом, знать должна не препятствовать общему благу и пользе, а содействовать им повсеместно и руководить всей политикой и управлением, как положено и предписано, за что простолюдины, в свою очередь, должны их почитать и поддерживать рентой.

И оттого землевладельцы приезжают в села и семьи – в города.

Все те, кто славится благородством и древним происхождением и пользуется титулами старых родов, должны хорошо подумать, принять это близко к сердцу и делать то, что им положено в таком случае.

Вот что можно сказать о происхождении знати и о том, откуда она получила свои щит, шлем и герб.

В том, что это таким образом пришло от римлян к немцам, нет никаких сомнений.

И поэтому римский кесарь или король также дарит щит и шлем (для доказательства своего статуса и знатности) тем, у кого таковых нет, и подтверждает тех большими привилегиями, которые таковые имели раньше, к тому же улучшает им их старые гербы в зависимости от обстоятельств и требует хорошо нести службу, сверх того вручает королевские грамоты и печати.

И кто получает таковой [герб], у наследников того рода он остается по справедливости, даже если наследники из-за несчастного случая или насильственного притеснения захотят покинуть поместья, по которым они получили свое благородство и от которых имеют имя, щит и герб.

Сколько знатных семей, уже не имеющих ни домов, ни хозяйств, ни поместий своих предков, от которых они также были названы, откуда происходят и о чем говорят их гербы! Подобное случается даже с графскими родами (потому что в этом мире нет ничего постоянного, ничего определенного, ничего вечного, ибо есть только Бог и Его Святое Слово). Хотя видно, что первоначально у германцев потомки не были привязаны к гербу своих предков, но после перемен, произошедших по счастью или несчастью, изменились и их гербы.

- ¹ Черных А. П. Появление гербов как проблема гербоведения и истории XII века // Средние века : Исследования по истории Средневековья и раннего Нового времени. Т. 74, № 3–4. М., 2013. С. 124–149.
- ² Там же. С. 125.
- ³ Spangenberg C. Adels-Spiegel : in 2 Bd. Schmal-kalden, 1591–1594.
- ⁴ Ibid. Bd. 2. Bl. 302 v – 304. (См. Приложение.)
- ⁵ Ibid. Bd. 1. Bl. 74–76.
- ⁶ Ibid. Bd. 2. Bl. 302 v.
- ⁷ Poten B. von. Solms, Reinhard Graf zu : Allgemeine Deutsche Biographie. Leipzig, 1892. Bd. 34. S. 584–585.
- ⁸ Solms R. zu. Beschreibung vom Ursprung, Anfang und Herkhomen des Adels... Köln, 1553; Frankfurt am Main, 1563.
- ⁹ Ibid. Bl. VI v. Перевод автора статьи.
- ¹⁰ Franck S. Chronica, Zeitbuch und Geschichtsbibel. Straßburg, 1531. Bl. CXIX–CXXV.
- ¹¹ Spangenberg C. Op. cit. Bd. 1. Bl. 6.
- ¹² Ibid. Bd. 2. Bl. 2–11.
- ¹³ Полный перевод главы 26 (Von ankunfft Adelicher Helme, Schild und Wapen) выполнен по изданию: Ibid. Bd. 2. Bl. 302 v – 304 (S. 621–624).